

ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ...

В конце 70-х годов прошлого столетия в Институт систематики и экологии животных, который тогда еще назывался просто Биологическим, пришел новый директор. Проработав много лет в области генетики размножения (в Институте цитологии и генетики и затем в киевском Институте молекулярной биологии и генетики) и защитив по соответствующей специальности докторскую диссертацию, Вадим Иванович Евсиков, выпускник биолого-почвенного факультета МГУ и ученик профессора Н.П. Наумова, остался в душе классическим полевым зоологом. Поэтому первым и вполне закономерным его шагом на новом поприще было создание популяционно-генетической лаборатории и полевого стационара. Сотрудники новой лаборатории популяционной экологии и генетики животных, пришедшие в том числе из институтов Медицинской академии, рассчитывали, что «кабинетный» генетик сделает акцент на лабораторные исследования, и были весьма озадачены, когда выяснилось, что им придется работать в буквальном смысле в болоте.

Основным объектом исследований стала водяная полевка или, как ее еще называют, водяная крыса. Одним из существенных моментов экологии этого вида, делающих его злейшим вредителем сельского и лесного хозяйства, являются периодические, случающиеся раз в 7—10 лет, «вспышки численности». В конце 1950-х годов в Биологическом институте была создана Барабинская комплексная экспедиция, основной задачей которой стало изучение механизмов этих колебаний численности вредителя и их прогнозирование. За последующие 20 лет было накоплено огромное количество фактического материала, однако задача во многом осталась нерешенной. Стало очевидным, что для успешного развития этих исследований нужны были новые, популяционно-генетические подходы. И это прекрасно понимал Вадим Иванович Евсиков.

Вспомним, как все начиналось! Представим: от райцентра Убинское тянется на север, километров на 80, грунтовая дорога, некогда отсыпанная гравием, который, однако, давно уже потонул в зыбкой почве. По дороге ходит рейсовый автобус — старый ПАЗик, насквозь пропылившийся и разбитый нещадной тряской. Ходит ежедневно — если нет дождя. Если есть, то солонцовый грунт, впитавший в себя первые же дождевые капли, превращается в настоящий каток, на котором транспортные средства становятся неуправляемыми. К дороге жмётся

несколько деревенок, а вокруг — бескрайняя Барабинская лесостепь, которую кто-то из приезжих справедливо обозвал «болотостепью». Дорога на самом краю дикого урмана упирается в реку Омь, которая здесь, в своем среднем течении, на летних перекатах часто может уместиться в водосточную трубу, а весной разливается до самого горизонта и порой губит людей, рискнувших в ветреную погоду переправиться через нее на лодке. Понятно, что мост через эту реку существует в основном «теоретически».

Для полноты картины упомянем про гнус, по обилию которого здешние места явно держат одно из первых мест в мире. Слепней (по-местному «паутов») здесь не меньше, чем в любом лесу обычных комаров. Есть слепни (бычий, олений) размером в полворобья. Слепни гонятся за мотоциклом до скорости в 40 км в час (а больше и не разовьешь) и периодически садятся к тебе же на спину, чтобы передохнуть... И ведь не изловчатся, чтобы тебя укусить, а буквально с лету «бьют»! А что касается комаров и прочей мелкой нечисти типа мошки, мокреца, жигалок... В общем, купаться и загорать можно, но только в верхней одежде. В былое время предпринимались робкие попытки наладить здесь сельское хозяйство, даже сеяли что-то, но сейчас из «промыслов» сохранилось в основном мясное коневодство (кони меньше, чем коровы страдают от гнуса) да еще рыбалка и охота.

В 1979 году Лисьи Норки, забытая Богом деревенька в несколько десятков дворов на этом Барабинском «краю Ойкумены», была разбужена приездом неожиданных гостей. Двое сурового вида бородатых мужиков и кудрявый парень деловито осматривали окрестности, знакомились с местными жителями и интересовались, где можно обосноваться. А всего через год здесь, помимо двух арендованных деревенских домов, уже стояло несколько жилых балков и вагон общепита, появились металлический гараж и погреб. А еще — вполне сносная аналитическая лаборатория, виварий с автоматически регулируемой температурой и освещением и, конечно, баня. Электричество обычно было (хотя и с перебоями из-за периодического, в непогоду, падения столбов), а вот воду, несмотря на ее явный избыток вокруг, возили издалека — на машине. Колодцы-журавли стояли почти в каждом дворе, но вода в них была жесткой и притом по вкусу почти не отличалась от болотной. Лучшую воду мы брали из реки — набирали флягу в омуте, где со дна били ключи.

Мощности стационара позволяли одновременно работать всем сотрудникам большой и дружной лаборатории. Иногда за общим столом собиралось до 20-ти человек, включая гостей и нас, студентов. А всего за 30 лет существования стационара тут побывала, наверное, половина сотрудников института. И каждый оставил здесь частичку своей души.

Наверное, и Вадима Ивановича очаровала неброская красота этого места и не оттолкнули бытовые сложности. В плотном своем директорском графике всегда находил он время и за полевой сезон не один раз приезжал на свой стационар, проделывая неблизкий путь по ухабистой дороге, причем часто сам сидел за рулем экспедиционного УАЗика. Приезжал не «руководить», а

работать со всеми наравне: и землю копал, и машину из грязи вытаскивал, и крыс водяных, ради которых все это и было организовано, ловил, порой из-под земли их добывал. Поэтому и удалось ему и его сотрудникам за несколько лет практически с нуля развернуть исследовательскую программу, не имевшую в то время аналогов. И уже через несколько лет, в середине 80-х годов, появились первые, очень интересные результаты, «пошли» доклады на конференциях и публикации. Свершилось: родилась новосибирская популяционно-экологическая школа, признанная сейчас не только в России, но и во всем мире.

С момента основания стационара в деревне Лисьи Норки прошло 30 лет... Много изменилось и в стране, и в институте. Ученики Вадима Ивановича, составившие основу его тогдашней команды, давно уже стали кандидатами и докторами наук, сами учат молодежь и руководят собственными коллективами. Но ведь сберегли же, сохранили и лабораторию, и стационар, как сохранили и само направление исследований, созданное Вадимом Ивановичем на стыке наук и давшее новый толчок развитию всей сибирской зоологии, тот самый импульс, который мы ощущаем до сих пор! И мы,

тогдашняя молодежь — студенты, аспиранты, стажеры — гордимся тем, что стояли «у самых истоков» и что во все это вложена частичка нашего труда и большая доля энтузиазма, внушенного нам Вадимом Ивановичем.

В апреле 2010 года Вадим Иванович отмечает свое 75-летие. От имени всех его научных «детей» и «внуков» желаем юбиляру доброго здоровья, оптимизма, внимания и заботы со стороны родных и коллег по работе и благодарим за все то, что он сделал для нас и нашего института.

Евгений Новиков, Михаил Потапов, ИСиЭЖ СО РАН

На снимках:

— Вадим Иванович Евсиков (слева) и Михаил Павлович Мошкин за отловом водяной полевки путем «выкапывания» (из архива ИСиЭЖ);

— на озере Чаны (фото В. Новикова).

Источник:

Новиков Е. Ты помнишь, как все начиналось ... / Е. Новиков, М. Потапов // [Наука в Сибири](#). – 2010. – N 14. – С. 6.